

Памяти Александра Александровича Реформатского (16.x.1900 – 3.v.1978)

Игорь Мельчук

Observatoire de linguistique Sens-Texte — Université de Montréal

«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, –
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма!»

Ф.И. Тютчев

1 Краткая биографическая справка

Мой многолетний друг и начальник, Александр Александрович Реформатский (Чиф, как его называли его сотрудники-sujets, Сан Саныч, как он был известен всем лингвистам России, всем любителям языка и слова), скончался 3-го мая 1978 года. Так сбылось его желание – прожить всю жизнь и умереть в Москве.

Увы, задача хоть бы примерно воссоздать облик А.А. Реформатского [в дальнейшем – А.А.] явно превосходит мои силы. Но я знал его лично 21 год, был рядом с ним, старался впитывать драгоценные крупички знаний, культуры, человеческого тепла – всего того, что он так щедро сеял вокруг себя; и поэтому я все-таки попытаюсь. Да простит мне читатель неловкость моего выражения! Моя единственная цель – помочь сохранить в памяти людской это явление; ибо Реформатский был куда больше, чем просто личность, пусть даже очень яркая личность: он был именно явлением русской культурной жизни. И в том вкладе, который внесла и еще внесет Россия в сокровищницу человеческого разума и души, есть и его заметная доля.

Жизнь А.А. Реформатского была исключительно многообразной. Я позволю себе привести ее краткое описание, составленное из двух текстов, которые сочинил сам А.А. (кое-где добавлены мои комментарии – в квадратных скобках).

Сведения из биографии А.А. Реформатского; составлено самим А.А. Реформатским (годится и как материал для некролога).

1. А.А. Реформатский родился в Москве 4(16) октября 1900 г. в Савеловском [ныне – Савельевский. – И.М.] переулке, в доме Гаврилова (до сих пор цел!) на Остоженке [во время, когда А.А. писал эти заметки, улица называлась Метростроевская, однако А.А. не выносил надругательств над русской историей и не признавал переименовок вроде «Проспекта Маркса», в который превратился Охотный ряд: он употреблял только «истинные»,

т.е. дореволюционные, названия; к счастью, теперь Остоженка снова стала Остоженкой. – И.М.].

2. Родители – педагоги. Отец – Александр Николаевич Реформатский, сын священника, профессор-химик, заслуженный деятель науки. Мать – Екатерина Адриановна Головачева, дочь врача, преподавательница русского языка и литературы (окончила Высшие Женские Курсы в Москве).

3. Поступил в гимназию Е.А. Флерова в 1910 г.

4. Окончил гимназию (8 классов) в 1918 г.

5. Поступил в Московский университет на историко-филологический факультет в 1918 г.

6. Окончил университет (этнолого-лингвистическое отделение ФОН) в 1923 г. Выпускную работу (то, что теперь называют «диплом») делал под руководством профессора Д.Н. Ушакова («Материалы к описанию языка Курбского»).

7. В 1924-1925 гг. был аспирантом лингвистической секции РАНИОН, научный руководитель – Д.Н. Ушаков; аспирантуру не закончил.

8. Служить начал с 30 сентября 1918 г. на книжном складе «Коммунист» при СК РКП – грузчиком; был затем председателем месткома, зам. заведующего агитотделом. В дальнейшем работал инструктором сельского хозяйства (в трудовой колонии 10-ой школы ХОНО), рентгенотехником в РЭФ-секции Наркомздрава, сотрудником в редакции словаря русского языка (в будущем «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова), корректором и техредом в различных издательствах: «Молодая гвардия», «Труд и книга», «Долой неграмотность», Издательство Мосздрава, Госиздат. Был ученым секретарем бюро оформления Госиздата, старшим научным сотрудником НИИ ОГИЗа (1931-34); внештатно работал в НИЯЗе, в ГАХНе, в НИИ Большого советского атласа мира, в редакции Русского атласа. Переводил стихи памяти Ленина с немецкого, английского, польского. Напечатал поэму под названием «Как в деревне надо жить, чтобы бабам не тужить» (издательство «Охрана материнства и младенчества», 1928). Очень любил профессию ассенизатора (1917 - 1945).

9. Преподавал с 1921 г. – был ректором Губполитпросвета (1921 - 1922), преподавателем Пречистенского рабфака (1922 - 1924) и ректором на различных курсах в 1930 - 1932 гг.; работал ассистентом, позднее доцентом в Полиграфинституте (1931 - 1932); с 1934 г. и

по 1954 был доцентом на кафедре языка в Мосгорпединституте. В 1938 г. читал лекции в Азербайджанском университете (Баку); в 1938 и 1941 гг. – во 2-м МГПИИЯ; в 1939 - 40 гг. – в МИФЛИ; в 1943 - 44 гг. – в МГУ; а также на различных курсах усовершенствования, в МОПИ и др. – 1937 - 41; в 1942 - 47 – в 1-м МГПИИЯ; в 1942 - 51 – в Литинституте.

10. С аспирантами начал заниматься с 1928 г.

11. Заведовал кафедрами языка с 1938 г. по 1951 г.: во 2-м МГПИИЯ – 1938 - 41; в МГорПИ – 1941 - 42; в Литинституте – 1942 - 51. В 1941 - 42 гг. был деканом литфака МГорПИ. В 1954 - 59 гг. заведовал фонетической лабораторией Филфака МГУ.

С 1950 г. работал в Институте языкознания АН СССР; старший научный сотрудник, с 1958 по 1970 – заведующий сектором структурной и прикладной лингвистики; с 1970 г. – профессор-консультант. [А.А. Реформатский был заменен на посту заведующего отставным полковником Р.Г. Котовым. Воистину – «фельдфебеля в Вольтеры!». – И.М.] Был членом орфографических комиссий: Наркомпроса (1934 - 38), «Правительственной орфографической комиссии» (1938 - 39) и комиссии АН СССР под председательством В.В. Виноградова (1964 - 1967).

12. Утвержден ВАКом: доцентом – 1937, кандидатом филологических наук – 1938, доктором филологических наук – 1962, профессором – 1962.

13. Диссертаций никогда не защищал. [Удивительно характерная для Реформатского фраза. – И.М.]

14. Напечатал более 120 научных работ (около 200 а.л.), из них 8 книг, 3 брошюры, остальные – статьи. Первая печатная работа – 1922 г.

15. Из напечатанного наиболее значительным считаю:

Книги:

- (1) *Техническая редакция книги*, 26 а.л., 1933.
- (2) *Введение в языковедение* (2-ое и 3-е изд. – *Введение в языкознание*), 1947 – 13 а.л., 1955 – 23 а.л., 1960 – 26 а.л., 1967 – 30 а.л.
- (3) *Методологические указания и руководство по современному русскому литературному языку*, 5 а.л., 1950.
- (4) *Из истории отечественной фонологии (очерк и хрестоматия)*, 1970.
- (5) *Фонологические этюды*, 1975.

Статьи:

- (1) Проблема фонемы в американской лингвистике, 1941.
- (2) Об отношении фонетики и грамматики, 1955.
- (3) Согласные, противопоставленные по способу и месту образования, и их варьирование в современном русском языке, 1955.
- (4) Фонологические заметки, 1957.

- (5) Обучение произношению и фонологии, 1959.
- (6) Неканоничная фонетика, 1966.
- (7) Иерархия фонологических единиц и явление сингармонизма, 1966.
- (8) Статьи о практической транскрипции и транслитерации, 1960 и 1972.
- (9) О перекодировании и трансформации коммуникативных систем, 1963.
- (10) Что такое термин и терминология, 1959, 1961.
- (11) Топономастика как лингвистический факт, 1964.
- (12) Число и грамматика, 1960.
- (13) Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова, 1965.
- (14) Лингвистические вопросы перевода, 1952.
- (15) Речь и музыка в пении, 1955.

16. На охоте бывал в Московский, Калининской, Владимирской, Калужской областях, в Северном и Южном Казахстане, на Среднем и Южном Урале. В 1920 г., будучи студентом МГУ, учился на драматических курсах при 1-м театре РСФСР (среди преподавателей: Р.О. Якобсон, О.М. Брик, Н.М. Форрегер и др.). Из университетских учителей больше всех любил Д.Н. Ушакова, М.А. Петровского, А.С. Орлова.

17. Был знаком со многими артистами (М.Ф. Ленин, А.А. Санин, О.Л. Книппер, Е.Д. Турчанинова, В.А. Массалитинова, А.Н. Грибов, И.М. Кудрявцев, Л.А. Вишневский, Н.А. Белевцева, И.В. Ильинский, В.М. Бебутов, В.Э. Мейерхольд, В.Р. Петрова, Е.А. Степанова, Г.И. Пельтцер и др.); с писателями (М.М. Пришвин, И.С. Соколов-Микитов, В.Г. Лидин, Н.Н. Асеев, В.В. Маяковский, К.А. Федин, М.А. Дудин, А.Е. Крученых, Н.А. Заболоцкий, Б.А. Ахмадулина, Н.А. Луговской, А.А. Ахматова, М.М. Зощенко, В.Н. Шкловский, С.А. Белоусов; молодые писатели: В. Солоухин, В. Тендряков, Ю. Грифонов, Г. Поженян, С. Орлов, В. Бахнов, Н. Гребнев, Г. Бакланов, Ю. Бондарев, Р. Гамзатов и др. – мои ученики по Литинституту); с музыкантами (Г.Г. Нейгауз, С.Т. Рихтер, Д.С. Шор, Е.А. Бекман-Щербина, А.Д. Кастальский, А.Т. Гречанинов, Н.А. Орлов, К.Н. Игумнов, Ю.В. Брюшков, В.А. Гайгерова, Л.К. Книппер, С.Н. Кнушевицкий и др.); с художниками (Н.С. Гончарова, К.Ф. Юон, А.А. Осьмеркин, Н.А. Андреев, А.Д. Древин, Н.А. Удальцов, О.Г. Верейский, В.А. Фаворский, В.Е. Татлин, А.Д. Гончаров, Лучишников и др.); с общественными деятелями (Н.А. Морозов, П.Н. Милюков, А.В. Луначарский, Н.А. Семашко, А.С. Бубнов, Н.К. Крупская, патриарх Тихон и др.).

18. Живу 74 года в Москве, где и надеюсь помереть.

Серьезный и детальный анализ научного творчества А.А. Реформатского здесь невозможен, да вряд ли и уместен. Я попытаюсь лишь очень кратко и схематично охарактеризовать роль и место А.А. в той науке, которой он отдал жизнь.

2 Лингвистическое творчество Реформатского

Мне кажется, что типично реформатские особенности лингвистических работ А.А. могут быть выведены из двух главных положений. Одно касается его научно-философской концепции, другое – методологии изложения, т.е. первое отвечает на вопрос «Что?» или «О чем?», а второе – «Как?».

• Язык *sub specie communicationis*

Язык, по Реформатскому, это – прежде всего! – орудие общения, средство выражения и передачи определенного содержания, и в пределах лингвистики язык следует рассматривать исключительно в свете выполнения коммуникативных задач. Для лингвиста в языке существует все то и только то, что используется языком для смыслоразличения – т.е. для обеспечения коммуникации.

• Абстрактное через конкретное

Наиболее абстрактные и формальные положения развиваются Реформатским на удивительно конкретных, осязаемых языковых фактах. Отсюда – необычайная пластичность, яркость, артистичность прозы А.А., согласующаяся с общей артистичностью его природы. Думается, что никто не сможет забыть, единожды увидев, знаменитый пример А.А., идеально четко демонстрирующий иерархию языковых единиц: латинское *И!* ‘Поезжай!’, являющееся звуком, фонемой, слогом, морфемой, словоформой, синтагмой, предложением и целой фразой (Реформатский 1967: 28-29).

Из этих двух общих тезисов вытекает ряд более частных принципов и черт, характерных для взглядов Реформатского и его работ.

Принцип 1

Последовательный структурализм (не в значении англо-американского термина *structuralism*, т.е. в интерпретации школы Блумфилда-Хэрриса, а скорее во французско-европейском смысле: *structuralisme* Праги и Копенгагена 30-х гг., структурализм современной французской школы). Язык – это система отношений, точнее – оппозиций, и задачей лингвиста является вскрыть сложную и запутанную игру этих оппозиций; ср., в особенности, Реформатский 1957b.

Принцип 2

Подход к языку как к многоплановой (или многомерной, если угодно) структуре. Для А.А. язык выступает как объект с многими иерархично упорядоченными уровнями и ярусами, взаимно не сводимыми друг к другу, но сложно взаимодействующими по стро-

гим правилам. По существу, А.А. ближе, чем кто-либо иной в русской науке, подошёл еще в сороковых годах к идее действующих многоуровневых моделей языка; и он решительно настаивал на том, что основная задача лингвистики – это извлечь из линейной речи принципиально нелинейную, объемную языковую структуру. Я позволю себе сослаться только на одно направление исследований, развивавшееся Реформатским в течение всей его жизни: противопоставление сегментных и суперсегментных (= просодических) явлений языка; см. сводку проблем и их тончайший анализ в Реформатский 1975: 30 и сл. В этой связи особенно хочется упомянуть работы А.А., касающиеся вопросов тюркского сингармонизма, который он трактовал как просодическое явление (Реформатский 1955b: 102-106, 1966a и 1969).

Принцип 3

Предельная абстрактность языка как такового – в его оппозиции предельно конкретной (= физически воплощенной) речи. Совершенно не случайно, что именно А.А. (вместе с В.И. Сидоровым, П.С. Кузнецовым и Р.И. Аванесовым) основал Московскую Фонологическую школу, которая уже в тридцатые годы – за тридцать лет до порождающей фонологии Хомского и Халле! – активно развивала понятие фонемы как сугубо функциональной, абстрактной единицы, манифестируемой конкретными, позиционно чередующимися звуками. Учение А.А. о фонеме – образец блестящего манипулирования высокими абстракциями на основе материальной языковой реальности (см. Реформатский 1941, 1952, 1955b, 1957a, 1961a и, наконец, антологию 1970). Трудно удержаться и не отметить здесь небольшую статью Реформатский 1960d, где А.А. показал, как чисто лингвистически решается вопрос о числительных в русском языке: смысл числа – это одно («конкретное»), а числительное – совсем другое («абстрактное»), нечто определяемое сугубо языковыми соотношениями; слова МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД, ..., а также ПАРА, ПЯТЕРКА, ДЮЖИНА, СОТНЯ и т.п. – не числительные, ибо язык чисто грамматически трактует их как обычные существительные.

Принцип 4

Интерес к языку во всех его проявлениях: т.е. интерес к живому Слову. «Nihil linguistici a me alienum puto!» – таков был всегда лозунг Реформатского (как и Романа Якобсона). Речь в пении (Реформатский 1948 и 1955c), транскрипция и алфавит (например, Реформатский 1953), передача сообщений и обучение произношению (1959 и 1961b), топонимика (1960b-c, 1964c-d), автоматическая обработка текстов, практическая орфография

(1940, 1964a-b и др.), техническая терминология (1961с, 1968 и 1974), перевод и много, много чего еще – всеми этими приложениями лингвистики А.А. не только живо интересовался, но и активно занимался всю свою жизнь. Вместе с П.С. Кузнецовым он первым среди русских лингвистов откликнулся на вызов, брошенный лингвистике машинным переводом (Реформатский и др. 1956). Результаты практической деятельности А.А. в Комитете прикладной лингвистики, в Комитете технической терминологии, в бесчисленных комиссиях по транскрипции, орфографии, топонимике и т.п. просто не поддаются учету.

С другой стороны, такой всесторонний интерес к живому языку делал А.А. виртуозом просторечия, знатоком народных диалектов и самых разных терминологий, любителем поэтических и шуточных неологизмов, а также каноничной фонетики (1966b). Это была отнюдь не платоническая любовь (вещь, совершенно противопоказанная Реформатскому): он физически владел всем этим и активно использовал то, чем владел, на благо единой и неделимой науки о языке.

Принцип 5

Широта научных интересов: А.А. считал, что занятия языком неотделимы от целого ряда самых разнообразных сюжетов, и сам подавал пример в этом отношении. Если брать только «чистую» лингвистику, то даже здесь список излюбленных тем А.А. будет достаточно длинным: проблема фонемы – агглютинация и фузия – соотношение фонетики и грамматики – просодика и ее роль в синтаксисе – части речи – проблема синтагмы – загадки и парадоксы русской фонологии и морфологии. (По существу, Реформатский создал великолепное описание русской фонетики, фонологии и морфологии, разбросанное, однако, в десятках заметок и статей. Собрать и издать в одном томе это описание – одна из настоятельных задач русистики.) И это еще далеко не все! Однако, и это очень важно, деятельность А.А. вовсе не сводилась целиком к «чистой» лингвистике: как было отмечено выше, он посвятил много сил прикладной лингвистике – в самых разных сферах. «Омонимист и ономаст», пошутил про А.А. один из его молодых друзей. Сектор, созданный им в Институте языкознания (АН СССР), так и назывался: Сектор структурной и прикладной лингвистики. И прикладная лингвистика в СССР (а теперь – в России) связывается в сознании лингвистов в первую очередь с именем Реформатского.

При этом необходимо подчеркнуть, что многочисленные увлечения А.А., как научные, так и в ненаучные (музыка, шахматы, теннис, поэзия, ...), существенно помогли ему в главном деле его жизни – проникновении в тайны языка. Изучая роль речи в пении, Реформатский постигал особенности лингвистических артикуляций; принцип избыточной защиты, известный в теории шахмат, использовался им при объяснении организации текста; размышления о терминологии базировались на собственном охотничьем опыте; и т.д.

Принцип 6

А.А всегда стремился в явной форме увязать любую, на первый взгляд сколь угодно частную, проблему с соответствующими фундаментальными вопросами лингвистики. В результате, его работы имеют характерную особенность, которую можно было бы назвать их высокой плодотворностью или «порождающей способностью». (Эта черта также сближает А.А. с Якобсоном.) Я имею в виду тот факт, что бесчисленное количество статей было написано коллегами и учениками А.А. либо в развитие той или иной его мысли, либо в полемике с ним. У него было редкое умение бросить как бы вскользь замечание такой глубины и с таким обобщающим потенциалом, что потом нужны были годы и десятки страниц, чтобы существенно продвинуться по намеченному им пути. Страстный и пристрастный исследователь, А.А. вносил дух относительности в застывшие классические сферы, вдруг переставал понимать (слегка прикидываясь простачком) давно, казалось бы, понятные вещи – и играючи переворачивал на-попа привычные истины. Что-что, а равнодушным Реформатский не оставлял никого и никогда ...

3 Ученый и человек

Теперь следует сказать о Реформатском-человеке. Но это очень трудно для меня: тут нужно было бы перо мастера литературного портрета. Как, в самом деле, возродить на бумаге такую сложную, такую яркую, такую неповторимую комбинацию черт?

Он был страстный охотник и собачник; мне случалось есть убитого Реформатским тетерева (я чуть не сломал зуб о дробинку, оставшуюся в мясе!); и я знал двух его любимых собак. Он понимал и ценил хорошую музыку, дружил с музыкантами, сам немного играл на рояле. Он любил острое и соленое слово: сколько его экспромтов, *bons mots* и коротеньких рассказов «не роуг для дам» (как он их сам называл) ходило по лингвистической Москве!¹ Он был неплохой шахматист, постоянный читатель журнала «Шахматы»

и ценитель тонких шахматных этюдов. Он любил женщин и был любим ими. Он любил друзей и учеников (их были у него сотни), застолье и водку («Игорь, она же вкус-у-усная!», сказал он мне как-то, лукаво поглядывая на меня поверх рюмки, которую подносил к губам)². Он любил книги – Пушкин, Достоевский, Тургенев, Лесков, Тютчев, Пастернак; терпеть не мог Бунина и Льва Толстого. Превыше всего ценил шутку, полагал, что нет ничего серьезнее хорошей шутки, и сам был мастером стихотворных шуток любого типа, которым безошибочный литературный вкус и любовь к языковому экспериментированию, к разниманию и переосмыслению слов придавали порою подлинный блеск. А.А. охотно и откровенно обсуждал темы, о которых, в соответствии с ходячей моралью, следует выражаться эвфемистически или вовсе молчать. В его интересе к акту физической любви и к тому, что Бахтин называл «материально-телесным низом», было исключительно здоровое и радостное начало, нечто поистине возрожденческое³.

А теперь, если говорить о совсем серьезном, даже трагичном, я хочу напомнить, что случилось в сентябре 1968 года, вскоре после советской интервенции в Чехословакии, на собрании двух секторов Института языкознания Академии Наук СССР – нашего (Сектор структурной и прикладной лингвистики) и Сектора общего языкознания. Тогдашний директор института, Ф.П. Филин, фигура вполне зловещая (бывший офицер заградотрядов во время войны), потребовал, чтобы кто-нибудь из нашего сектора выступил по поводу «событий в Чехословакии». И тогда А.А. встал, по существу заслоня собой своих молодых сотрудников. «Друзья мои, недаром, назвав 19-ый век железным, Блок говорил о 20-ом: «Еще бездомней, еще страшнее жизни мгла ...», – начал он. – Да, наш век видел немало страшного. И я, родившийся вместе с веком, повидал достаточно ужасов. Однако, самое ужасное из того, что было в двадцатом веке, это фашизм. Фашизм имеет тысячи обличий; он может прикинуться чем угодно, прикрываться любыми словами, его не всегда легко распознать. Будьте внимательны; учитесь узнавать фашизм везде и повсюду, как бы он ни называл себя сам». Вот что сказал наш старый мудрый Чиф на достопамятном митинге. И ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, кого/что имел в виду А.А., говоря о фашизме.

А.А. был удивительно неконвенционален и антиконформистичен. («Дорогому неблагонадежному Игорю от неканоничного Реформатского» – написал он мне на одной из своих статей в феврале 1967 г.) Его обожали ученики и подчиненные, но с трудом

переносило начальство. При первой же возможности дирекция Института языкознания (сменившая Филина В.Н. Ярцева) отправила его на пенсию – его, без сомнения ведущего в институте лингвиста! Не предупредив А.А. ни о чем, его вывели и из состава Ученого Совета. Я помню, как больной, измученный артритом А.А. доковылял до зала заседаний Совета (он был педантично пунктуален в выполнении своих обязанностей) – чтобы узнать от какого-то прихвостня дирекции, что он уже не член Совета. Награды и милости свыше всегда обходили его. Звание доктора (без защиты диссертации) дала ему не академия, где он проработал 25 лет («дэсиянс», называл академию А.А.), а Институт иностранных языков (им. М. Тореза), благодаря порядочности его тогдашнего директора, доцента Василия Семеновича Сидорина. Его не посылали за границу; с его мнениями начальство считалось очень мало. Официального признания, соответствующего его заслугам и реальному весу в науке, А.А. в СССР не имел, да никогда и не добивался. Ему было вполне достаточно быть в фаворе у лингвистики, которой он верно служил всю свою жизнь. Широкий и щедрый, он разбрасывал идеи и темы вокруг себя. И число его реальных учеников во много раз превосходило число тех, кто имеет формальное основание назвать себя учеником А.А. Реформатского. По-видимому, сотни тысяч людей читали и перечитывали его «Введение в языковедение (языкознание)» (1947, 1955а, 1960а, 1967; общий тираж четырех изданий – более ста тысяч экземпляров) – еще и сейчас лучший, по моему мнению, учебник общей лингвистики. Несметное множество людей пользовалось его консультациями, советами, указаниями. Замечательный проповедник лингвистики (не обязательно и даже редко с трибуны или с кафедры, гораздо чаще – за столом, рабочим или обеденным), Реформатский особенно ярко проявлял в этой сфере еще одну из своих характерных черт – умение совмещать несовместимое. Сухая логическая конструкция, а за ней – неожиданный экскурс в проблемы пения или шахмат; строгое определение, завершающееся каламбуром; анализ абстрактной проблемы с использованием словесного ерничества, в котором не переваренная языком иностранщина как-то очень органично соединялась с сочным матерным оборотом; вот таким представало перед слушателями языковедение⁴ в исполнении Искандера Ислахи (это один из наиболее частых псевдонимов Реформатского: Искандер – архаизированная форма имени Александр, а *islāh* означает по-арабски ‘реформа’).

Но А.А. был не только и не просто ярким и замечательным ученым. Он был типично русским ученым – с пристальным вниманием к глубинной сути явлений («Через Schein – к

Sein», говаривал он), с последовательно семиотическим подходом, с верой в интуицию и с блестящей интуицией – как языковой, так и лингвистической. Мода в науке была чужда ему. Стремление к истине нераздельно переплеталось в нем со стремлением к красоте, и эта эстетичность научного подхода составляла один из важнейших компонентов научного credo Реформатского. По меткому выражению одного из его учеников и друзей (В.П. Григорьева), он порождал вокруг себя мощное силовое поле русской культуры – и воздействие этого поля на тех, кто имел счастье приблизиться к нему, переоценить невозможно. Имя и дело Реформатского навсегда останутся в науке; но тем невыносимее мысль, что такая живая жизнь прошла, «как тень, бегущая от дыма», что никто и никогда не увидит больше его характерную коренастую фигуру с потрепанным портфелем в руках, с расстегнутым воротом (даже зимой не признавал шарфов) и в бессменной кепке (ни шляп, ни беретов А.А. не носил), и не встретится с ехидным, пронизательным прищуром из-под монгольских бровей. Увы! только в сказках любовь может воскрешать ушедших ...

Да не будет забыт А.А. Реформатский – первоклассный лингвист, сокровищница культуры, верный друг – и Человек!

Примечания

¹ (3, стр. 8) Я позволю себе один пример. На заседании какой-то высокой комиссии шла дискуссия по поводу слитного/раздельного написания наречий типа *справа, вдаль и навверх*. Большинство уже склонялось к раздельному написанию; и тут А.А., взяв слово, предложил проверить соответствующее орфографическое правило на лозунге, широко известном в 20-ые годы: «Назад к Островскому!» (→ ‘На зад к Островскому’). Шутка решила дело – старое правило, т.е. слитное написание, было оставлено в силе.

² (3, стр. 9) В последний день рождения А.А., 16-го октября 1977, мы с Виталием Шеворошкиным звонили ему в Москву из Монреаля. Налив рюмки, мы чокнулись перед зловеще шелестящей трубкой, опрокинули – и хрустнули огурчиком... «А.А., что мы делаем?» – спросил я. «Да что вы, Игорь, – сердито забурчал с другого конца света наш Чиф, – что вы Вы думаете, я совсем из ума выжил?»

³ (3, стр. 9) Облик А.А. Реформатского очень хорошо воссоздан в книге его вдовы, «пѣсательницы», как он называл ее, Н.И. Ильиной (1991: 567-655). Кроме того, богатый материал к его портрету содержится в разделе «Опыт описания языковой личности: А.А. Реформатский» книги Шмелев 1989: 152-212.

⁴ (3, стр. 10) Именно так любил называть науку о языке сам А.А.

Литература

Ильина, Наталья Иосифовна

1991 *Дороги и судьбы*. Москва: Московский рабочий. 656 стр.

Реформатский, Александр Александрович

1940 *Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря (проект)*. Москва: Учпедгиз. 152 стр.

- 1941 Проблема фонемы в американской лингвистике. *Уч. записки МГПИ им. В.П. Потемкина*, 5: 1, 103-139.
- 1947 *Введение в языковедение*. Москва: Учпедгиз. 176 стр.
- 1948 О культуре языка в пении. *Советский артист*, 16 января, 1 (412).
- 1952 К проблеме фонемы и фонологии. *Изв. ОЛЯ*, 11: 5, 469-473. Рец.: Шаумян, СК. Проблема фонемы. *Изв. ОЛЯ*, 11: 4, 324-343.
- 1953 Новый дунганский алфавит. *ВЯ*, № 5, 129-132.
- 1955а *Введение в языковедение*. Москва: Учпедгиз. 396 стр.
- 1955б О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). В кн.: *Вопросы грамматического строя*, Москва: АН СССР, 92-112.
- 1955с Речь и музыка в пении. *Вопросы культуры речи*, 1, 172-199.
- 1956 Основные проблемы машинного перевода (вводная статья). *ВЯ*, № 5, 107-111 [в соавторстве с П.С. Кузнецовым и А.А. Ляпуновым].
- 1957а Фонологические заметки. *ВЯ*, № 2, 101-102.
- 1957б Что такое структурализм? *ВЯ*, № 6, 25-37.
- 1959 Обучение произношению и фонология. *ФН*, № 2, 101-102.
- 1960а *Введение в языковедение*. Москва: Учпедгиз. 431 стр.
- 1960б О подаче и передаче географических названий на русских картах. В кн.: *Транскрипция географических названий* [Труды совещания, состоявшегося 28-31 января 1959 г.; Институт географии АН СССР], Москва, 42-54.
- 1960с Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. *Изв. ОЛЯ*, 19: 6, 529-534.
- 1960д Число и грамматика. В кн.: В. Жирмунский (ред.), *Вопросы грамматики* [сборник статей к 75-летию акад. И.М. Мещанинова], Москва – Ленинград: АН СССР, 384-401.
- 1961а Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. В кн.: *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*, Москва, 106-122.
- 1961б Фонология на службе обучения произношению неродного языка. *Русский язык в национальной школе*, № 4, 7-10.
- 1961с Что такое термин и терминология? В кн.: *Вопросы терминологии* [Материалы Всесоюзного терминологического совещания], Москва, 46-54.
- 1964а Буква ё. В кн.: *О современной русской орфографии*, Москва, 28-32.
- 1964б Дефис и его употребление. В кн.: *О современной русской орфографии*, Москва, 146-150.
- 1964с Семиотика географической карты. В кн.: *Лингвистическая терминология и прикладная топонимика*, Москва, 45-58.
- 1964д Топонимика как лингвистический факт. В кн.: *Топонимика и транскрипция*, Москва, 9-34.
- 1966а Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. В кн.: *Исследования по фонологии*, Москва, 184-198.
- 1966б Неканоничная фонетика. В кн.: *Развитие фонетики современного русского языка*, Москва, 96-109.
- 1967 *Введение в языковедение*. [Изд. 4, исправленное и дополненное]. Москва: Просвещение. 542 стр.
- 1968 Термин как член лексической системы языка. В кн.: С.К. Шаумян (ред.), *Проблемы структурной лингвистики-1967*, Москва: Наука, 103-125.
- 1969 Сингармонизм, ударение и просодия слова. *ВЯ*, № 1, 123-125 [в соавторстве с В.А. Виноградовым].
- 1970 *Из истории отечественной фонологии. Очерк и хрестоматия*. Москва: Наука. 527 стр.
- 1974 О некоторых вопросах терминологии. В кн.: *Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества [Калининского гос. ун-та]*. IV, Калинин, 142-157.
- 1975 *Фонологические этюды*. Москва: Наука. 133 стр.
- Шмелев, Дмитрий Николаевич (ред.)
- 1989 *Язык и личность*. Москва: Наука. 214 стр.

Впервые опубликовано в *Russian Linguistics*, 1980, 4: 4, 341-361.